

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
А90

Серия «Весёлые истории»
Серийное оформление: *Юлия Межова*
В оформлении книги использованы иллюстрации
Ольги Кутузовой

Асеева, Ирина Ивановна.
А90 Креативный «пятый альфа» / Ирина Асеева.—
Москва: АСТ, 2019.— 247, [3] с.— (Серия «Весёлые
истории»).

ISBN 978-5-17-120371-9.

Дима Парапланов учится в физматлицее, но у него всё идёт не так, как надо: написать контрольную по русскому — такая проблема, что приходится голубей приручать, чтобы сорвать эту контрольную, один из старшеклассников объявил охоту на Диму, да ещё и мышонок, принесённый из дома, сбежал из рюкзака. Разве может полюбить такого растяпу самая красивая девочка в классе?

О том, как решает проблемы Дима и другие креативные ученики физматлицея, рассказывает эта книга.

© Ирина Асеева, текст, 2019
© Ольга Кутузова, иллюстрации, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ЗНАНИЕ — СИЛА!

Чёрные кроссовки обколупанными носами упирались в песок, спина — в прохладную железную перекладину. Пахло сиренью. Ветер шелестел листьями берёз. Я чуть покачивался.

Скрип, скрип — это качели. Все четыре года, что я здесь учился, они скрипят. И зимой, и в летние каникулы.

На моих коленях кирпич. Ладно, не кирпич. Но очень похоже. По цвету, по крайней мере.

Откроешь гладкую коричневую обложку — увидишь надпись: «Диме от бабушки. Запомни: знание — сила!»

Я не знаю, как насчёт силы, но тяжесть та ещё. Третий день таскал его в рюкзаке, а дальше слова «абстракционизм» так и не продвинулся.

Бабушка мне его по почте отправила, когда узнала, что я всё-таки поступил. Я поблагодарил по телефону:

— Бабушка, спасибо, но почему словарь? Я на физмат поступил — зачем мне абстракционизм с беллетристикой?

— Димочка, во-первых, русский ты при поступлении едва сдал. А во-вторых, знания лишними не бывают. Читай по три страницы в день — глядишь, в сентябре не стыдно будет в глаза смотреть учителю русского.

Я качался, водил пальцем по одним и тем же строчкам в словаре и слушал: не стукнет ли железная калитка. Егорка, мой друг, скинул смс-ку: «Буду через пять минут». Это было полчаса назад. А учитывая словарь и «абстракционизм», можно считать, что три часа.

Калитка стукнула. Я обернулся, улыбка сползла с лица и в песок под ногами зарылась. Потому что пришёл не Егорка, а как раз наоборот. Тима Лапочкин, невысокий, светловолосый и ядовитый, как заросли борщевика. Главный футболист класса.

Говорят, беда не приходит одна. Он и был не один — с Гошиком Червяковым.

Червяков сам по себе безобидный парень. Но рядом с Лапочкиным он в силовой придаток этого гада превращается. Словно Гошику самому думать — труд непосильный, и он делает всё, что Лапочкин скажет.

— А-а-а, Парапланов! — протянул Лапочкин, оглядывая пустую площадку.— Чё припёрся? В городе площадок нет?

Мой дом — последняя многоэтажка на окраине города. Пройти километр мимо заправок, стеклянных магазинов, на которых вывески постоянно меняются,— и будет Аннино, посёлок. А в нём — школа и друзья. И враги тоже.

— Лапочкин, качели заняты. Иди в песочницу,— отозвался я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

Лапочкин мотнул головой в мою сторону, Червяков подошёл к качелям, жирная ладонь обхватила железку. Железка скрипнула горько и жалостно.

Лапочкин сел на зрительские сиденья под навесом, скрестил руки:

— Ты, Парапланов, говорят, здесь больше не учишься.

Я оглянулся на калитку, бросил взгляд вправо на дорогу: может, Егорка уже на подходе? По пустой дороге промчался ветер, поднимая пыль.

Червяков тряхнул стойку качелей:

— Отвечай, раз спрашивают.

Я пристально посмотрел в Гошкины глаза болотно-коричневого цвета. Гошка покраснел и отвёл взгляд. Я немного осмелел:

— Ну да. В лицей поступил.

— Одним дураком меньше — свежего воздуха больше, — Лапочкин попытался уязвить моё самолюбие.

Я обрадовался:

— Лапочкин, дурак тут точно не я. Дураки в лицей не поступают. А вот по башке себя лупасить чем-то легко могут.

Лапочкина перекосило. Он намёк на свой талант забивать мячи головой понял.

— Червяк, ну-ка, покажи ему! — скомандовал он.

Гошка потрянул стойку. Я слетел с качелей. Больно царапнули мелкие камни — ладони проехали по песку. Толковый словарь упал и раскрывшись посередине. Ветер удивлённо листал его, пугаясь слов «катарсис» и «конформизм».

— Дурак ты, Лапочкин, — я встал на одно колено и начал счищать песок и колючие камни с ладоней. — Без Гошика ничего не можешь.

Лапочкин встал с сиденья, прищурил глаза:

— Что, думаешь, раз умный, всё можно? Сейчас припрём тебя к забору, начистим морду — до сентября сверкать будет. Червяк?

Я оглянулся на калитку, но там было по-прежнему пусто. Егорка, где ты?

Слева ко мне приближался Лапочкин, справа на расстоянии шага стоял Червяков.

Рвануть к калитке? Лапочкин — лучший бегун в классе, а вот я на физре как-то не отличался скоростью.

Я понял, что моё спасение — во мне самом. И вспомнил про свои сильные стороны.

Я встал и поднял книгу.

Размахнулся и как дал Лапочкину по башке словарём! Тем самым, толковым. Он обалдело уставился на меня, словно все слова на букву «А» разом влились в его голову.

Мы со словарём повернулись к Червякову. Моё свирепое лицо выражало решимость вбить знания в ещё одну голову.

— Не надо,— растерялся Гошка.— Я больше не буду.

Мимо Лапочкина, скулившего на скамейке и потиравшего красное ухо, ко мне мчался Егорка.

— Ну ты, Димыч, даёшь,— восхищённо протянул он.— Один против двоих! Ты крут!

Я посмотрел на словарь. Он чуть испачкался, несколько страниц помялось.

Я показал словарь Егорке:

— Это потому, что знания — сила.

Я словарь теперь всегда на прогулку буду брать, даже летом.

Бабушка оказалась права: знания лишними не бывают.

НЕМНОГО ВОЛШЕБСТВА

Бывает у вас так: весь день хочешь мороженого, а вечером — раз, приходит мама и приносит целый брикет? Или попадаешь в какое-то место и понимаешь, что здесь уже был?

У меня так случается. Не так часто, как мне хочется, но бывает. Может, я немного волшебник?

Первого сентября я стоял во дворе своей новой школы и пытался шевелить пальцами внутри тесных ботинок.

В воздухе парили шарики, музыка и приподнятое настроение. Причём самое приподнятое — у родителей пятиклашек. У старшеклассников мне оно показалось приопущенным. Даже табличка с надписью: «10 β» была чуть ниже остальных.

Я смотрел на это и понимал, что уже был здесь во сне: видел улетающую в небо связку сине-белых шаров, обнимался с кем-то большим и мягким и вон ту девчонку — с объёмной светлой косой до пояса — тоже видел.

Стоп. Её я видел на самом деле. Не во сне — на поступлении.

Я сидел за предпоследней партой у стены. Она — на соседнем ряду. На фоне окна, за которым виднелось стильно-серое питерское небо. А когда из-за туч внезапно ударило солнце, девочка отвернулась от него, и я увидел её длинные ресницы. И мне очень захотелось, чтобы она повернулась ко мне и шепнула: «Удачи!»

И она тогда правда обернулась. Но ничего не сказала.

Девочка с длинной косой подошла к табличке с надписью: «5 а». Значит, будем учиться в одном классе. Интересно, как её зовут? Я люблю смотреть на незнакомых людей и думать, какие имена им подходят. Может, она Света? Или Оля? А может, у неё редкое имя: Ангелина или Маша?

Из школы вышел самый важный на празднике человек. Точнее, зверь. Вернее, птица. Огромная сова с жёлтыми глазами, мягкими крыльями, в шапочке, которую носят учёные. Символ школы.

Птица шла по школьному двору и пританцовывала под песню «Волшебство — это просто». Её похлопывали по крыльям учителя. С совой фотографировались школьники. Её, как родную, радостно обнимали родители пятиклашек.

Я загадал: если я правда волшебник, пусть сова обнимет меня. Сова — символ мудрости.

Сова была у Гарри Поттера. Совы не могут ошибаться.

Я спрятался на линейке во второй ряд. К микрофону вышел директор. В таком же синем галстуке с совой, как у меня.

Это они здорово придумали: фирменный галстук. Почти как шарфы в Хогвартсе. Только девочки вместо галстуков носят синие платки на шее. На углу платка — та же птица с круглыми глазами. Смотрит, наблюдает. Вот бы ещё всё на уроках запоминала и на контрольных подсказывала!

Директор говорил, как нам повезло: мы поступили в замечательный лицей. Я его не слушал — смотрел на пышную косу прямо перед собой, на школьный платок под ней, и в голову лезли совсем дурацкие мысли.

О том, что в доисторические времена с девочками знакомиться было проще: дубиной по башке — и в свою пещеру. Когда очнёшься, поймёт, что тут сухо, огонь разведён, шкура мягкая. И ты улыбаешься нечищеными зубами и кусок мамонта протягиваешь: «Это тебе, жарь!» Куча аргументов за то, чтобы подружиться.

Вы не подумайте, я не влюбчивый. За всю жизнь влюблялся всего четыре раза. Два из них — в детском саду, это можно не считать.

Линейка закончилась. Сова уже трижды протанцевала мимо, но так и не обняла меня. Я сна-

чала расстроился. А потом подумал: если я сам сову обниму, это будет считаться или нет?

С одной стороны, это не очень честно. Но с другой — волшебство без участия волшебника невозможно. Заклинания сами себя не произносятся.

Когда мы начали расходиться по кабинетам, сова стояла у крыльца и со всеми раскланивалась.

Я немного задержался: полюбовался на её жёлтые глаза и медаль с номером школы, но вспомнил, что даже не знаю, куда идти, и помчался догонять класс.

В вестибюле было целое столпотворение. Кипящий суп из старшеклассников, которые обычно в другом корпусе учатся. Старшеклассники были перемешаны с семиклассниками и шестиклассниками. Растерянные пятиклашки, которые только сегодня стали альфиками и бетиками, оглядывались в поисках ориентира.

Нас принесло к лестнице.

— Ольга! Оля! Куда идём? — крикнула рядом со мной девчонка с разноцветным рюкзаком-ёжиком. Так громко, что у меня в ухе зазвенело.

Девочка с пышной косой была уже на ступеньках. Она оглянулась:

— В триста пятый! На третий этаж.

Я угадал её имя! Наверное, я правда волшебник. Только мои волшебные способности ещё не раскрыты.

Ирина Асеева

Я остановился на секунду, а потом развернулся навстречу потоку входящих людей. Вклиниваясь в их течение, расталкивая, разгребая, протискиваясь, слегка помятый, выбрался на крыльцо.

Сова всё ещё была в почти пустом дворе.

Я с разбега врезался в её мягкий живот, прижался лицом к тёплому плюшевому меху с запахом лаванды. Сова вздрогнула и обняла меня крыльями. Крепко-крепко.

И тут я понял: я — точно волшебник. Только волшебству иногда помогать надо.

КАК ПРИОБРЕТАТЬ ДРУЗЕЙ

— Опять эти мерзкие пятиклашки! — сказал Попов и встал впереди меня.

Это я потом узнал, что он Попов. Тогда он для меня был просто старшеклассником. Длинным и наглым.

Мало того что сам без очереди влез в очередь в столовой, так ещё и друзей пропускал. Их штук пять набралось! Так я не только параграф по истории прочитать не успею — поесть не получится. Положу на поднос салат из капусты, борщ красный дымящийся и пюре с курицей, а тут — бац! — и звонок.

Если бы нас толпа была, мы бы с шестью старшеклассниками справились. Но были только я и Лёва Ладушкин, поэтому мы молчали. Но, когда влез седьмой старшеклассник, я возмутился. Попов повернулся и сказал:

— Цыц, малявка!

Тогда я решил ненавидеть Попова.

Лёва меня поддержал, и после пятого урока мы подстерegli Попова за углом рекреации на

третьем этаже и обстреляли жёваными бумажками.

Попов был не один, а с другом. Они пытались нас поймать, но куда им. Нас-то пятеро. С нами пошёл Боря — он рад любой заварушке, Илья Колесников, мой друг, и Саша с Тарасом.

Саша с Тарасом не стреляли, но убежать им всё равно пришлось, потому что Попов за ними погнался.

Через два дня Попов появился в нашем корпусе снова. У них расписание такое: два дня в нашем корпусе, остальные — в старшем. К тому времени мы целую военную операцию разработали. На каждом этаже появлялись три или четыре пятиклассника, кричали: «Попов — гад!» — и убегали. В разные стороны.

К третьей перемене Попов был красный и лохматый. От его взгляда двигались диваны, и мы решили пока ему на глаза не попадаться. Но попались.

Точнее, попался Тарас, хотя он в нашей войне не участвовал. Попов схватил его за ворот, и мне показалось, что сейчас серый пиджак останется в руках годзиллы Попова, а Тарас вылетит из него на пол.

И тогда я налетел на Попова. Я умею налетать. Вскочил ему на спину и вцепился в уши. Попов от неожиданности выпустил пиджак вместе с Тарасом и стал стряхивать меня. Но тут

подоспели ещё наши. А трое пятиклашек — это банда.

На следующей неделе Попов от нас шарахался. Один раз даже развернулся и на другую лестницу пошёл. И тогда мы решили, что это победа. И радовались до четверга.

В четверг я сидел после уроков на программировании — доделывал домашнюю работу, и у меня никак не получалось переместить эти дурацкие часы. Точнее, они перемещались, но гасли на секунду, а потом начинали отсчёт снова. А надо было, чтобы стрелки продолжали двигаться, словно часы кто-то бережно перенёс из правой части экрана в левую.

Я уже минут двадцать тупо смотрел на программу, когда краем глаза заметил: в кабинет кто-то вошёл. Я оглянулся и понял: мне конец. Это был Попов.

Я съехал вниз по сиденью стула. Под столом было пыльно, в углу валялся смятый фантик, над головой угрожающе свисала коллекция жвачек. К ножкам стула подошли ноги в громадных ботинках. Я замер. Ноги тоже. «Давай, иди дальше!» — подумал я.

Нос зачесался изнутри и решил чихнуть. Я его зажал рукой. Стул со скрежетом отъехал в сторону, на него взгромоздилось длинное тело Попова. Его колени почти упёрлись в мой нос. Я шарахнулся назад и стукнулся о подстольные

